

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 008

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-7-18

Р.И. Батыршин, Л.И. Гуревич**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙ
«НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»
И «КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ»**

В статье рассматривается соотношение понятий национальной культурной идентичности и культурного кода нации, которые, в силу своей специфики, находятся в зоне единого концептуального поля, сопряжены с единым субъектом – нацией и, как следствие, демонстрируют случаи пересечения, наложения или подмены друг другом в современном научном дискурсе. Авторы исследуют понятийные границы этих двух терминов и иллюстрируют на примере культурных кодов наций стран постсоветского пространства возможности динамики национальной идентичности и культурных кодов.

Ключевые слова: концептуальное поле, концептуальный анализ, феноменологический анализ, интеграция культуры, универсализация культуры, культурные смыслы.

Актуальность темы исследования. Настоящее состояние современного научного гуманитарного знания, переживающего, в терминологии Т. Куна, период «смены научных парадигм», ознаменованный наблюдаемыми тенденциями к универсализации, междисциплинарности, интегративности, многополярности и антропоцентричности, положило основу для расширения границ как самих гуманитарных дисциплин, так и используемой ими терминологии. Размытость терминологических границ и междисциплинарная полисемантность обесценивают само понятие «научный термин», который по классическим канонам призван быть четким и однозначным (то есть моносемантическим). Доказательством данной тенденции является большое количество публикаций, в которых смежные культурные явления номинируются недифференцированно единым научным термином или неправомерно номинируются смежным в концептуальном поле термином. Как следствие, образуются общие концептуальные поля с размытыми терминологическими границами и пересекающимися (наслаивающимися друг на друга) терминологическими зонами. В настоящий момент становится как никогда важным и *актуальным* «разведение» смежных понятий и восстановление терминологических границ научного знания. Актуальность данной публикации заключается в уточнении терминов «национальная идентичность» и «культурный код нации», а также и других смежных культурологических терминов, входящих в силу определенных причин в единое концептуальное поле.

Актуальным является также и предмет научного исследования – этнокультуры народов постсоветского пространства, на материале которых представляется возможность проиллюстрировать динамику трансформации культурных кодов и национальной идентичности под влиянием геополитических изменений и современных тенденций, связанных со всеобщей глобализацией культур.

Степень научной разработанности проблемы. Несмотря на большое количество публикаций, посвященных исследованию национальной идентичности и культурного кода, их число не вносит ясность в исследование проблемы, поскольку сформировавшееся в

научном дискурсе «терминологическое многоголосие» не способствует четкому определению исследуемого феномена: появляется неограниченное количество авторских интерпретаций, довольно часто противоречащих друг другу. В современном научном дискурсе термины «культурный код» и «национальная идентичность» стали использоваться для обозначения настолько широких культурологических категорий, что очень часто их понятийные поля разрастаются до необъятных границ, перекрывая собой смежные поля и «поглощая» смежную терминологию. Также часто эти два термина подменяют друг друга в научных публикациях, что требует их дальнейшего исследования и «разведения». При всем обилии публикаций, исследующих два обозначенных выше феномена, ни в одной из них нам не встретилась попытка «разведения» данной терминологии. Феноменологического анализа данных дефиниций пока не проводилось. Что касается эмпирического материала публикации, то динамика культурных трансформаций, касающаяся культурных кодов наций стран СНГ и их национальной идентичности, по своему определению, не может быть полностью изучена, поскольку предполагает анализ процессов, происходящих в определенный период времени, включающий еще не изученное настоящее.

Целью исследования является феноменологический анализ понятий «национальная идентичность» и «культурный код нации», а также культурные коды народов стран СНГ.

Задачи исследования:

- определить границы понятийного (концептуального) поля национальной идентичности;
- показать терминологические различия «национальной идентичности» и «культурного кода нации»;
- указать на сложившиеся тенденции в ходе трансформации национальных идентичностей и кодов культур на материале этнокультур стран СНГ.

Научная новизна исследования заключается в уточнении терминологических границ научных терминов «национальная идентичность» и «культурный код нации», а также в анализе смежных с ними культурологических понятий.

Методология и методы исследования. В качестве основных исследовательских методов в публикации используются феноменологический анализ, концептуальный анализ, метод структурно-функционального анализа, аксиологический и аналитический методы исследования, метод классификационного анализа.

Эмпирические материалы исследования составляют научные публикации, посвященные исследованию национальной идентичности, культурного кода нации и смежных с ними понятий, а также культурные практики народов СНГ по формированию и сохранению национальных культурных кодов и трансляции национальной идентичности.

Основная часть. Обращение к феноменологии культурологических понятий обусловлено тем, что развитие и расслоение существующей научной терминологии так же, как и научное дифференцирование вновь возникающих понятий, происходит чрезвычайно медленно и тяжело в научном дискурсе. Наше исследование опирается на идею Э. Гуссерля, согласно которой «в начинающейся феноменологии все понятия и, соответственно, термины известным образом должны оставаться в текущем состоянии, как бы в постоянной готовности немедленно дифференцироваться по мере продвижения анализа в сознании и по мере распознавания все новых феноменологических наслоений в пределах того, что на первых порах узреается лишь в своем нерасчлененном единстве» [1].

«Текущее состояние» терминов, в определении Э. Гуссерля, обусловлено естественным развитием научного знания, которое, по мере своего развития, расширяется и углубляется, получая на уровне рефлексии все новые и новые «отклики» в умах исследователей, предлагающих свое авторское видение научной проблемы. Становится уже правилом, принятым по умолчанию, когда даже начинающий исследователь вносит свою

лепту в уточнение устоявшегося термина, выработанного многолетними усилиями либо уже известного теоретика, либо коллективного научного разума. Что же касается новой, неустоявшейся терминологии, то здесь мы наблюдаем «терминологическое многоголосие», которое предлагает безграничное количество вариаций ее интерпретации. В результате мы сталкиваемся с необоснованным искажением понятия, которое активно продвигается в неукротимом потоке медиаресурсов. В гуманитарном знании, предмет исследования которого является общим – человек, его деятельность и существование в мире – терминология очень часто перекрещивается и транслируется в своем, уникальном для дисциплины, ключе. Здесь мы сталкиваемся с тенденцией к развитию междисциплинарной полисемантической терминов, акцентирующих свое внимание на особенности собственной научной интерпретации и методологии.

В данной статье мы остановимся на двух базовых культурологических терминах, ставших предметом нашей научной рефлексии, – «национальная идентичность» и «культурный код нации», и начнем с анализа эмпирического материала – научных публикаций. Безусловно, эта проблема достаточно серьезна и глубока, поэтому в данной статье мы остановимся на самых важных феноменологических аспектах исследуемых понятий и на том, как они освещаются в научной литературе.

«Национальная идентичность». Благодаря своей «многоуровневой» и «сложноставной» структуре, национальная идентичность имеет весьма расплывчатое определение в научном дискурсе и нередко соотносится с понятиями «государственной идентичности» и «государственных символов», а малые народы, не обладающие собственной государственностью, очень часто подразумевают под национальной идентичностью «региональную этнокультурную идентичность» [2].

Широта концептуального поля национальной идентичности обусловлена множественностью вариаций данного понятия. По утверждению Э. Хобсбаума, в научном дискурсе нет четкого разграничения между *культурной, этнической и национальной идентичностями*, эти виды идентичностей сочетаются друг с другом [4. С. 179]. Более того, в эпоху мультикультурализма, которой присущи культурное многообразие и широкий идентификационный выбор, идентичность человека «множественна», поскольку людям в условиях глобализма свойственно ощущать себя частью мира, а не отдельного этноса, ассоциируемого с какой-либо локальной этнической культурой. Э. Хобсбаум утверждает, что в сознании человека множественные идентичности выстраиваются относительно друг друга в особую иерархию, причем доминантная культура не во всех случаях остается таковой [4. С. 20].

Дополнительно, в *вопросе межэтнического взаимодействия*, национальная идентичность воспринимается по-разному, в связи с чем появляются ее различные вариации. Так, например, в определении национальной идентичности *мигрантов* главным компонентом национальной идентификации является их *происхождение* или же *самоидентификация* по отношению к новому государству и новой культурной среде [5]. В государствах с напряженной межэтнической обстановкой понятие национальной идентичности часто сводится к достаточно узкой интерпретации «этнорелигиозного» характера, и смысл национальной идентичности заключается в двух насущных проблемах: *иммиграции и защиты светскости* [6]. Межэтническая напряженность может стать причиной так называемой конкуренции «проектов национальной идентичности» на территории одной страны. В данном случае мы можем говорить о «*конкурентной национальной идентичности*» [7].

Социокультурные исследования конца XX и начала XXI веков указывают на наличие так называемой «*политизированной этничности*», сформированной в результате межэтнических и межкультурных конфликтов, проявлений ксенофобии и этноцентризма, а также дискриминации по национальному признаку [8. С. 70; 9. С. 227; 10. С. 156].

Политизированность этничности часто принимает крайние формы своего проявления, варьируясь от *патриотизма* до *ультрапатриотизма*, *расизма*, *нацизма* и *шовинизма* [5].

Как ни парадоксально это звучит, но абсолютно нейтральное понятие «национальной идентичности», подразумевающей «национальное самосознание», связанное «с ощущаемой принадлежностью к определенному этносу», с «чувством нации», с ее «уникальными традициями, культурой и языком» [11], в определенных ситуациях может выйти за рамки простого ощущения принадлежности к той или иной этнокультуре и принять особые, «крайние» формы национальной идентичности, номинируемые уже другими, эмоционально маркированными терминами. Смежные термины «патриотизм», «национализм» и «шовинизм» есть не что иное, как та же «национальная самоидентификация», только отягощенная дополнительными оценочными компонентами, такими как «ощущение гордости за свою страну», «ощущение уникальности и единства своей нации» или же «крайнее чувство превосходства над другими нациями, обосновывающее право на дискриминацию и угнетение других народов мира» [См.:12]. Таким образом, указанные выше номинации «крайних форм» национальной идентичности входят в единое понятийное (концептуальное) поле последней, несмотря на наличие у них своих специфических терминологических обозначений. Феноменологические отношения данных понятий находятся в состоянии «включенности»: патриотизм, национализм и шовинизм, несмотря на существенные различия в передаваемых смыслах, включены в концептуальное поле национальной идентичности.

Именно по этой причине при анализе эмпирического материала иногда бывает сложно отграничить то или иное социальное или культурное явление, в связи с чем в научном анализе может встречаться подмена смежных понятий. Являясь более широким и нейтральным термином, термин «национальная идентичность» иногда используется для номинации ее крайних проявлений – патриотизма, национализма или шовинизма, – что не всегда является корректным в научном описании. С точки зрения феноменологического анализа, несмотря на то, что они объединены «под крышей одного знака» – «национальной идентичности», патриотизм, национализм и шовинизм принадлежат общей философской категории «выражения отношения одной нации к другой (или к своей в случае патриотизма)». «Национальная идентичность» соотносится с категорией «собственного осознания, самоидентификации принадлежности к той или иной нации». Область понятийного наложения или пересечения находится не в их базовых «ядерных» смыслах, а в их периферийной части – причинно-следственных связях и особенностях функционирования, которые относятся к пограничным категориям. Так, например, осознание себя русским (грузином, таджиком, англичанином и пр.), что сопрягается с термином *национальной идентичности*, может функционально осложниться другой рефлексией и осознанием своего превосходства над другими нациями, что уже ассоциируется с понятием *национализма* или даже *шовинизма*, а чувство испытываемой гордости при осознании своей национальной принадлежности выводит нас на другое смежное понятие – *патриотизм*.

Кроме того, смысловое наполнение (или, другими словами, концептуальное, феноменологическое содержание) «национальной идентичности» неким образом пересекается с понятием «культурного кода нации», что также вносит неясность в научный анализ культурных феноменов, поскольку и в этом случае часто происходит подмена одного термина другим.

«*Культурный код нации*». По устоявшемуся определению, «культурным кодом» называют комплекс культурных смыслов и ценностей, поведенческих моделей, исторической памяти и знаний, фиксированных в сознании этноса, передающего от поколения к поколению социальный опыт и культуру, позволяющих регулировать взаимодействие людей в их повседневной жизни. Понимание сущности культуры происходит под воздей-

ствием культурного кода, объединяющего творческий потенциал нации, ее духовный капитал, составляющие основы социального, политического и экономического развития страны [13]. В связи с сущностным совпадением передаваемых смыслов, а именно: отображения в сознании этноса культурных ценностей и смыслов, традиций, обрядов, обычаев и моральных устоев, – понятия «национальная идентичность» и «культурный код нации» иногда подменяются друг другом, что, с нашей точки зрения, не является правомерным, поскольку терминологическая неточность обесценивает научный анализ.

На сегодняшний момент методологические основания культурных кодов все чаще становятся предметом научного исследования. В рамках философских, антропологических и психологических направлений гуманитарного знания явления внешнего мира, ассоциируемые с культурным кодом, рассматриваются в неразрывной связи между культурой, языком и «эмпирическим порядком» [14].

Исторически истоки феномена культурных кодов мы можем обнаружить в более ранних работах мыслителей, которые «растворены» в многочисленных культурных текстах. Их имплицитное присутствие в культурно маркированных текстах позволяет говорить о наличии культурного кода, который «составляет “ткань” текста культуры, совокупность знако-символьных систем». Невербальные знаки этих систем, их значения и смыслы подвергаются подсознательной «расшифровке» и «считыванию» [15].

С момента становления понятие «культурный код» «разрослось» до несопоставимых друг с другом категорий, и на сегодняшний момент «культурный код» может определяться как «способы передачи социального опыта» [16]; «символы и системы значений, которые имеют отношение к представителям определенной культуры» [17]; «структура, выступающая как основополагающее правило при формировании сообщений» [18]; «набор образов, ассоциируемых в нашем сознании с определенной группой стереотипов» [19], и просто «отношения в мире вещей» (отношения места, соприкосновения, симпатии, подобия и пр.) [20]. Как мы можем видеть из приведенных здесь определений, необходимость феноменологического анализа и систематизации значения такого культурологически значимого термина не может подвергаться ни малейшему сомнению.

Анализ научной литературы, посвященной изучению культурных кодов наций, а также лингвистический анализ самой дефиниции кода дали нам возможность определить культурный код как *сложившееся в коллективном сознании представление о фиксированном наборе национальных культурных ценностей и смыслов, поведенческих стереотипов, традиций и обычаев в историческом контексте, которые передаются из поколения в поколение и регулируют повседневное взаимодействие людей друг с другом и которые являются маркерами в определении национальной идентичности социума с позиции внешнего наблюдателя*. Особое внимание необходимо обратить на последнее дополнение в определении, поскольку для дифференциации культурного кода очень важным компонентом является *внешний наблюдатель*, так как он *декодирует*, или *интерпретирует* транслируемую культурную информацию. По своей сути, культурный код динамичен и имплицитно двусторонний процесс *трансляции* культурных ценностей (смыслов) нации (то есть кодирование) и их *интерпретацию* (декодирование) носителями других этнокультур.

Корреляция и расхождение терминов «национальная идентичность» и «культурный код нации» заключается в том, что под *национальной идентичностью* следует понимать *то, каким образом мы воспринимаем свою принадлежность и отнесенность к национальным культурным ценностям и смыслам*, а под *культурным кодом* понимается *сама идея трансляции культурных ценностей и смыслов и то, как эти ценности и смыслы воспринимаются и интерпретируются другими этносами*. В дополнение к этому отметим, что отдельное восприятие и интерпретация чужой культуры и нации соотносится с понятием «культурные стереотипы» как «обобщенным пред-

ставлением о поведении и манерах какого-либо народа» [21], которое тоже иногда не используется дифференцированно для номинации отдельного процесса, и в ситуациях, где необходимо подчеркнуть именно необъективное поверхностное суждение о другой нации, называется общим более широким понятием «культурный код».

Рассуждая о феноменологии понятия «культурный код», мы отмечаем еще одну его особенность – процессуальность. По утверждению Г.А. Аванесовой и И.А. Купцовой, тексты культуры, являясь организованным единством, «компактной и воспроизводимой последовательностью знаков и образов», имеют способность «разворачиваться» в социальном пространстве и времени [15]. Возможно, именно *социальное пространство и время* и обеспечивают культурным кодам такую характеристику, как *изменчивость*. Постоянная динамика прослеживается во всех современных преобразованиях: меняется мир под воздействием человеческой активности, трансформируется социум, и даже внутренняя сущность человека подвержена изменениям. То же явление наблюдается и в динамике развития культурных кодов: сохраняя ядро незыблемых культурных ценностей и смыслов, культурные коды имеют тенденцию к трансформации, приспосабливаясь к новым реалиям жизни, приобретая новое прочтение в изменившихся условиях современного бытия.

Культурные коды существуют в синергии *устойчивого* и *изменчивого*, давая основание задуматься над вопросами о существовании той невидимой грани, которая их разделяет. История народа, его менталитет, передаваемые из поколения в поколение культурные ценности и смыслы, традиции и обычаи оставляют вечный отпечаток в коллективной памяти нации, составляющий основу транслируемого содержания культурного кода. Это то, что мы в философском смысле называем *устойчивым*. Закономерно возникает вопрос: если мы говорим о наличии *устойчивого*, что мы отнесем к категории *изменчивого* в культурном коде нации?

По своей сути, из всего арсенала транслируемых на протяжении веков компонентов культуры мы отнесем к категории *изменчивого* те компоненты, которые уже устарели, стали неактуальными и ушли в «небытие» вместе с устаревшими и забытыми культурными практиками. Так, например, среди забытых культурных традиций России отмечают «посвящение в воины» малолетних князей с вручением оружия, которое трехлетний князь был обязан постоянно носить на поясе. С уходом культурной реалии и изменением в социальной структуре общества меняются и уходят культурные традиции, считавшиеся ранее культурным наследием нации и в современной интерпретации – культурным кодом.

С точки зрения феноменологического анализа в определении культурного кода вызывает научную рефлексию и ряд других вопросов, а именно: почему нам так важен культурный код наций, когда мы говорим о культурном развитии нации и национальной идентификации? Что же является основой межкультурной интеграции: наличие общих черт и тенденций в культурах разных народов или тот набор устойчивых и неповторимых характеристик, который делает каждую культуру уникальной во всех ее смыслах? Что является определяющей тенденцией современности: глобализация и универсализация или сохранение культурного многообразия, культурной идентичности каждой нации? И, наконец, какова историческая функция национального культурного кода: интеграция или индивидуализация?

С одной стороны, интеграция культурных кодов этнокультур, разделяющих общую культурную память на протяжении веков сосуществования на территории одного государства, является источником развития свободы и культурного разнообразия, а также взаимного духовного обогащения наций. С другой стороны, по утверждению Л.В. Русских, создается опасность «доминирования бездуховной универсализации» [3. С. 178]. И на фоне подобного философского дуализма все чаще звучит призыв к сохранению национальной культурной идентичности в рамках глобализации, интеграции и универсализации.

Дуализм в отношении национальной культурной идентичности и культурных кодов – закономерное явление во всех многонациональных государствах. В частности, на протяжении веков мы наблюдаем множественные попытки выработать отношение к культурной идентичности в США, которые за достаточно короткий период времени несколько раз сменили идеологические культурные лозунги от «плавильного котла» («melting pot»), предполагающего универсализацию, «сплавление» всех культур наций страны, «лоскутного американского одеяла» («American quilt») – представления национальных культур в виде независимых, со своими четкими границами, но выполняющих единую функцию и в совокупности представляющих собой гармоничную единую культуру, как «полотно из разноцветных кусочков ткани», до «салатника» («salad bowl»), в котором продукты смешиваются, делятся своими вкусами с соседними ингредиентами, дополняя и обогащая их, но не теряя своих исконных вкусовых характеристик. Пожалуй, последний подход в культурной политике государства смог отразить всю сложность взаимодействия сопрягающихся в одном геополитическом пространстве культур.

Более сложная, с точки зрения культурной интеграции, культурная политика наблюдается на территории распавшегося Советского Союза, и даже в оценке современных событий ученые не приходят к однозначному выводу. Так, по убеждению В.И. Фокина, Н.М. Боголюбовой и других ученых, во время распада страны перед странами постсоветского пространства встала дилемма: сохранить элементы культурной интеграции, сложившейся за годы существования СССР, или выбрать другой путь дальнейшего культурного развития. В связи с этим в странах СНГ намечились три базовые тенденции культурной политики вновь образованных независимых стран: 1) «форма мягкого развода» во избежание эксцессов; 2) попытка сохранить «культурный багаж» бывшего Советского Союза; 3) стремление сформировать монокультурные государства, преодолев «советский мультикультурализм» и вытеснив представителей иных культур со своей территории [22. С. 29].

Однако есть на этот счет и иная точка зрения, согласно которой «крупные полиэтнические государства зачастую создавались и распадались за считанные годы и десятилетия, почти не затрагивая рутинной этнической жизни входящих в них исторических провинций» [23]. Культурная политика практически не касалась проблем существования этносов, «вытесняя их на периферию общественной жизни» и «маскируя» данный процесс «расширением нации» [23]. И этому есть научное объяснение, а именно: существующие понятийные отличия нации и этноса, согласно которым «этнос» представляет собой «социокультурную общность людей», а «нация обозначает территориальное, экономическое и лингвистическое объединение людей, имеющих социальную структуру и политическую организацию» [24. С. 137]. Безусловно, в тех случаях, когда речь идет о государственной культурной политике, этот вопрос затрагивает непосредственно *нацию*, оставляя проблемы *этносов* на упомянутой выше «периферии общественной жизни». Национальная культура не формируется спонтанно, она представляет собой «результат серьезной работы политической элиты этого общества» [24. С. 138], в отличие от культуры этноса, формируемой в результате культурного развития и взаимодействия как спонтанный, неконтролируемый процесс. В терминологии «культурного кода» эти процессы можно соотнести с элементами разработанной нами динамической модели, согласно которой в процессе трансляции культурной информации выделяются две разновидности культурных кодов: *системно-административный культурный код страны*, который устанавливается для социума «сверху», на уровне законодательства, в виде установленных конституцией «*национальных культурных ценностей*», и *код культурного самовыражения и ритуального взаимодействия нации*, который возникает на уровне *бытового общения этноса (нации)* в форме обрядов, праздников, традиций и т.п.

Возвращаясь к вопросу национальной культурной политики стран СНГ, которая, как мы выяснили, касается наций, а не этносов, на уровне государственного регулирования

наблюдаются, как минимум, три траектории планируемого государствами развития культур бывших союзных республик: 1) сохранение основ советской монокультуры; 2) появление новых культурных нарративов, никак не связанных с их исконным культурным прошлым, и 3) возрождение утерянных и забытых культурных традиций или, другими словами, возвращение к истокам национальной культурной идентичности, к национальным культурным кодам, хотя, как показывает практика, возможность возвращения к их истокам в современных условиях представляется достаточно сомнительной.

Выводы. Феноменологический анализ понятий «национальная идентичность» и «культурный код нации» на уровне исследования концептуальных полей дает возможность дифференцировать те области научного знания, которые, в силу смежности исследуемых понятий и общности предмета исследования, пересекаются.

Анализ функциональных характеристик и особенностей функционирования данных феноменов в этнокультурах стран, разделяющих единое геополитическое пространство, позволяет увидеть области культурной интеграции и причины «слияния» национальных культурных кодов. Как показывает изучение культурных практик данных национальных культур, на территории стран СНГ установились три базовые траектории развития культур (и, следовательно, культурных кодов), в связи с чем особую важность приобретает необходимость исследования этих новых тенденций.

Сопоставление понятий «культурный код нации» и «национальная идентичность» позволили нам сделать следующие обобщения: культурные коды наций динамичны; они способны интегрироваться в другие культурные коды, адсорбировать в себя элементы других культур, имеют тенденцию к универсализации и унитаризации, то есть обособлению. Национальная идентичность более устойчива, по сравнению с культурным кодом нации, поскольку, в философском смысле, она более статична и относится к экзистенциальным категориям, передавая смысл «отношения между предметами», а не их «процессуальность».

В теоретическом плане феноменологическое исследование национальных идентичностей и культурных кодов на материале стран постсоветского пространства позволило не только систематизировать теоретические основы данных научных понятий, но и, в практическом плане исследований, помогло найти точки соприкосновения граничащих друг с другом этнокультур, определить степень общности и интеграции культурных кодов наций, а также определить гипотетически возможные стратегии дальнейшего позитивного диалога культур.

Литература

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова, вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
2. Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество 2020. Т. 11. № 4. С. 165–181.
3. Русских Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 2. С. 178–180.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
5. Велилаева Л.Р., Абдуллаева Н.Р. Понятие «национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2020. № 6(73). С. 26–28. URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/9770> (дата обращения: 17.10.2023).

6. Осипов Е. Фактор национальной идентичности в современной Франции. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1778> (дата обращения: 05.10.2023).
7. Миллер А.И. Формирование наций у восточных славян в XIX веке: Проблема альтернативности и сравнительно-исторического контекста // Русский исторический журнал. 1999. Т. 1. С. 130–170.
8. Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.
9. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
10. Шахбанова М.М. Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 1. С. 154–167.
11. Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2007. 603 с.
12. Arendt H. Imperialism, nationalism, chauvinism // Review of Politics. 1945. October. Vol. 7. № 4. P. 441–445. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0034670500001649>.
13. Надольская В.И. Культурный код как хранитель и транслятор традиционных ценностей. URL: <https://www.ostrovets.by/news/novosti/news33485.html> (дата обращения: 05.10.2023).
14. Фуко М. Слова и вещи // Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. С. 62–92.
15. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 30–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-suschnost-i-naznachenie/viewer> (дата обращения: 05.10.2023).
16. Хапров С. Культурные коды. Что такое культурный код? URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/19222-chto-takoe-kulturnyy-kod-i-kak-ego-ponyat> (дата обращения: 12.12.2023).
17. Juillion P. What means cultural code? URL: <https://studybuff.com/what-means-cultural-code/> (дата обращения: 18.12.2023).
18. Степанова Н.И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты // Идеи и идеалы. 2012. № 1 (11). С. 130–136.
19. Clotaire R. The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy as They Do. New York: Broadway Books, 2006. 167 с.
20. Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. 403 с.
21. Маслова В.А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 37–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-stereotip-i-ego-rol-v-povedenii-skvoz-prizmu-yazyka-1> (дата обращения: 12.11.2023).
22. Фокин В.И., Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Культурное сотрудничество на пространстве СНГ // Управленческое консультирование. № 5. 2017. С. 28–43.
23. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Нация и этнос: разграничение понятий в контексте глобализации URL: <https://sciup.org/vestnik-bsu/2012-6/?ysclid=lr8qrsy9b1487444839> (дата обращения: 12.01.2024).
24. Грушевицкая Т.Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №12 (54). Ч. 2. С. 137–139. DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.008/

Phenomenological Aspects of the Concepts “National Cultural Identity” and “Cultural Code of the Nation

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2024, 1 (92), 7–18.

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-7-18

Radik I. Batyrshin, National Research University – Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: Batyrshin_RI@mir.tv.ru

Lyubov S. Gurevich, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gurevich_ls@mail.ru

Keywords: conceptual field, conceptual analysis, phenomenological analysis, integration of culture, universalization of culture, cultural meanings.

The link between the ideas of “national cultural identity” and “cultural code of the nation”, which are situated inside the boundaries of a single conceptual field due to their distinctiveness, is examined in this article. Because they are connected to a single topic – the country – they serve as examples of how current scientific language intersects, overlaps, or replaces one idea with another. The research objectives and goals are to determine the boundaries of the conceptual field of national identity, indicate the terminological differences between “national identity” and the “cultural code of the nation”, and determine the prevailing trends in the transformation of national identities and cultural codes based on the ethnocultures of the CIS countries. Phenomenological analysis, conceptual analysis, the structural-functional analysis technique, axiological and analytical research methods, the method of categorization analysis, etc. are the primary research methodologies used in this publication. The authors conclude that throughout the study, there is a correlation and divergence between the terms “national identity” and “cultural code of the nation”. This is because national identity is understood to be how we understand our relationship to and sense of belonging to national cultural values and meanings, while the very idea of translating cultural values and meanings and how these are understood and interpreted by other ethnic groups falls under the purview of the cultural code. Furthermore, it is mentioned that the idea of “cultural stereotypes”, which is defined as “a generalized idea of the behavior and manners of a people”, and the individual’s perception and interpretation of a foreign culture and country are related. The term “cultural code” is also occasionally used interchangeably with “cultural stereotypes”. The authors conclude that national cultural codes are dynamic, capable of absorbing aspects of other cultures, integrating into other national codes, and tending toward universalization after researching national cultural codes based on the ethnocultures of the peoples of the CIS countries. When compared to a nation’s cultural code, national identity is more solid because, philosophically speaking, it is more static and pertains to existential categories, conveying the meaning of “relations between objects” and not their “processuality”.

References

1. Husserl, E. (2009) *Ideji k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Vol. 1. Moscow: Akademicheskij projekt.
2. Gricenko, V.V. & Ostapenko, L.V. & Subbotina, I.A. (2020) Znachimost’ grazhdanskoj, etnicheskoj i regional’noj identichnosti dlya zhitelej malyh rossijskih gorodov i ee determinanty [The significance of civil, ethnic and regional identity for residents of small Russian cities and its determinants]. *Social’naya psihologiya i obshchestvo – Social psychology and society*. Vol. 11. 4. pp. 165–181.
3. Russkikh, L.V. (2013) Identichnost’: kul’turnaya, etnicheskaya, nacional’naya [Identity: cultural, ethnic, national]. *Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Sotsial’no-gumanitarnye nauki” – Bulletin of South Ural State University. “Social and Humanities” series*. Vol. 13. 2. pp. 178–180.
4. Hobsbaum, E. (1998) *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and nationalism after 1780]. Translated from English by A.A. Vasilyeva. St. Petersburg: Aleteya.

5. Velilaeva, L.R. & Abdullaeva, N.R. (2020) Ponyatie “nacional’noj identichnosti”: teoretiko-literaturnyj aspekt issledovaniya [The concept of “national identity”: theoretical and literary aspect of research]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurnal – Universum: Philology and art history: electronic scientific journal*. 6 (73). pp. 26–28. [Online] Available from: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/9770> (Accessed: 17.10.2023).
6. Osipov, E. (2016) *Faktor nacional’noj identichnosti v sovremennoj Francii* [The factor of national identity in modern France]. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1778> (Accessed: 05.10.2023).
7. Miller, A.I. (1999) Formirovanie nacij u vostochnyh slavyan v XIX v. problema al’ternativnosti i sravnitel’no-istoricheskogo konteksta [Formation of nations among the Eastern Slavs in the 19th century]. *Russkiy istoricheskij zhurnal – Russian Historical Journal*. Vol 1. pp. 130–170.
8. Yuzhanin, M.A. (2007) O sociokul’turnoj adaptacii v inoetnicheskoy srede: konceptual’nye podhody k analizu [On sociocultural adaptation in a foreign ethnic environment: conceptual approaches to analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 5. pp. 70–77.
9. Arutyunyan, Yu.V. & Drobizheva L.M. & Susokolov A.A. (1999) *Etnosociologiya* [Ethnosociology]. Moscow: Aspekt-Press.
10. Shahbanova, M.M. (2017) Mezhetnicheskaya napryazhennost’ i etnicheskij konflikt: sodержanie, faktory formirovaniya, tipologiya [Interethnic tension and ethnic conflict: content, formation factors, typology]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii – Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 1. pp. 154–167.
11. Khrenov, N.A. (ed.) (2007) *Iskusstvo i civilizacionnaya identichnost’* [Art and civilizational identity]. Moscow: Nauka.
12. Arendt, H. (1945) Imperialism, nationalism, chauvinism. *Review of Politics*. Vol. 7. 4. pp. 441–445. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0034670500001649>.
13. Nadol’skaya, V.I. (2022) *Kul’turnyj kod kak hranitel’ i translyator tradicionnyh cennostej* [Cultural code as a keeper and translator of traditional values]. [Online] Available from: <https://www.ostrovets.by/news/novosti/news33485.html> (Accessed: 05.10.2023).
14. Foucault, M. (1977) *Slova i veschi* [Words and things]. In: *Arheologiya gumanitarnyh nauk* [Archeology of the Humanities]. Moscow: Progress. pp. 62–92.
15. Avanesova, G.A. & Kupcova, I.A. (2008) Kody kul’tury: sushchnost’ i naznachenie [Codes of culture: essence and purpose]. *Sotsial’no-gumanitarnye znaniya – Social and humanitarian knowledge*. 1. pp. 30–43. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-suschnost-i-naznachenie/viewer> (Accessed: 05.10.2023).
16. Haprov, S. (2023) *Kul’turnye kody. Chto takoe kul’turnyj kod?* [Cultural codes. What is a cultural code?]. [Online] Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/19222-chto-takoe-kulturnyy-kod-i-kak-ego-ponyat> (Accessed: 18.12.2023).
17. Juillion, P. (2019). *What means cultural code?* [Online] Available from: <https://studybuff.com/what-means-cultural-code/> (Accessed: 18.12.2023).
17. Stepanova, N.I. (2012) Kody kul’tury: semioticheskij i kul’turologicheskij aspekty [Codes of culture: semiotic and cultural aspects]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*. 1 (11). pp. 130–136.
19. Clotaire, R. (2006). *The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy as They Do*. New York: Broadway Books.
20. Foucault, M. (1977) *Slova i veschi* [Words and things]. Moscow: Progress.
21. Maslova, V.A. (2008). Kul’turnyj stereotip i ego rol’ v povedenii skvoz’ prizmu yazyka [Cultural stereotype and its role in behavior through the prism of language]. *Aktual’nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 11. pp. 37–44. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-stereotip-i-ego-rol-v-povedenii-skvoz-prizmu-yazyka-1> (Accessed: 12.11.2023).

22. Fokin, V.I. & Bogolyubova N.M. & Nikolaeva Yu.V. (2017) Kul'turnoe sotrudnichestvo na prostranstve SNG [Cultural cooperation in the CIS]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Management consulting*. 5. pp. 28-43.

23. Safonov, A.L. & Orlov, A.D. (2012) *Naciya i etnos: razgranichenie ponyatij v kontekste globalizacii* [Online] Available from: <https://sciup.org/vestnik-bsu/2012-6?ysclid=lr8qrsy9b1487444839> (Accessed: 12.01.2024).

24. Grushevitskaya, T.G. (2016) Nacional'naya i etnokul'turnaya identichnost' v sovremennom obshchestve [National and ethnocultural identity in modern society]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International Scientific Research Journal*. 12(54). 2. pp. 137–139. DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.008/

УДК 130.2:7.045

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-18-24

Н.В. Галимова

ЯЗЫК СИМВОЛИКО-ГРАФИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

В статье анализируются стилистические особенности символично-графического формообразования как сложной знаковой структуры, бытующей в традиционном художественном творчестве кабардинцев и балкарцев. Разработка вопросов, посвященных этнографии народного творчества, формулирующего национальные культурные коды, потребовала обратиться к научным трудам авторов, изучавших историю традиционной народной культуры, а также практику графического символотворчества кабардинцев и балкарцев. В ходе проведенного исследования установлено, что традиционное народное творчество, являясь идентификатором ремесленной культуры, демонстрирует стилистику символично-графического моделирования художественного образа.

Ключевые слова: традиционная культура, графическая символика, ремесленные практики, символотворчество, графический образ, кабардинцы и балкарцы, народное творчество, тамгообразные знаки.

В современности, в связи с трансформацией картины мира, определяющей самобытность и идентичность национальных культур, актуализировался интерес к исследованию традиций народного творчества. Язык народного художественного творчества, выступая в качестве самостоятельной изобразительной системы, демонстрирует традиции социально-культурного опыта и национальной изобразительной культуры, бытующей в ремесленных практиках этносов. И в этом контексте язык символично-графического формообразования является идентификатором ценностных устремлений, сложившихся канонов и закономерностей моделирования в традиционном народном искусстве кабардинцев и балкарцев. Важность исследования традиционных видов народного искусства в аспекте символично-графического моделирования очевидна, так как этот изобразительный язык обусловлен сложившимися эстетическими маркерами, идентифицирующими художественную культуру разных эпох. В связи с этим актуальной задачей данного культурологического исследования определено выявление специфических черт символично-графического моделирования в творческой системе традиционной художественной культуры кабардинцев и балкарцев.

Символично-графический язык, присущий стилистике народного художественного творчества, объединяясь с социально-духовным опытом, способствует передаче этно-